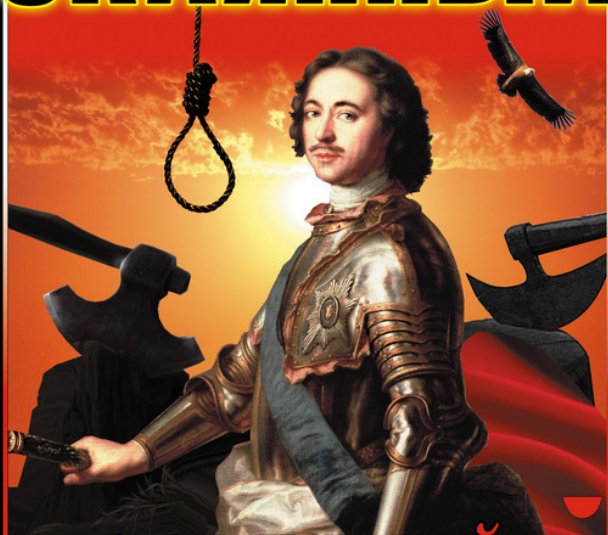

ПЕТР ПАЛАЧ НА ТРОНЕ ОКАЯННЫЙ

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Андрей Михайлович Буровский
Петр Окаянный.
Палач на троне
Серия «Осторожно, история!
Что замалчивают учебники»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6702831

Петр Окаянный. Палач на троне / Андрей Буровский.: Яуза, Эксмо;

Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67205-9

Аннотация

Нам со школьной скамьи внушают, что Петр Первый – лучший император в нашей истории: дескать, до него Россия была отсталой и дикой, а Петр Великий провел грандиозные преобразования, создал могучую Империю и непобедимую армию, утвердил в обществе новые нравы, радел о просвещении и т. д. и т. п. Но стоит отложить в сторону школьные учебники и проанализировать подлинные исторические источники, как мы обнаружим, что в допетровской России XVII века уже было все, что приписывается Петру: от картофеля и табака до первоклассного флота и передовой армии... На самом деле лютые реформы «царя-антихриста» (как прозвали его в народе) не

создали, а погубили русский флот, привели к развалу экономики, невероятному хаосу в управлении и гибели миллионов людей. По вине «ОКАЯННОГО ИМПЕРАТОРА» богатая и демократичная Московия выродилась в нищее примитивное рабовладельческое государство. А от документов о чудовищных злодеяниях и зверствах этого коронованного палача-маньяка просто кровь стынет в жилах! Миф о «Петре Великом» и его «европейских реформах» живет до сих пор, отравляя умы и души. Давно пора разрушить эту опасную ложь, мешающую нам знать и уважать своих предков!

Содержание

Введение	5
Часть I	20
Глава 1	20
Перед Петром	20
Конец многовластия	25
А как же заговор?!	40
Новая система власти	43
Глава 2	46
Странная фобия Петра	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Михайлович Буровский Петр Окаянный. Палач на троне

Введение

В 1721 году Петр I объявил Московию Российской империей, и до 1917 года продолжался императорский период нашей истории. Как бы ни менялась политическая ситуация за эти двести лет, идеология периода в своей основе оставалась неизменной, сопровождаясь таким же неизменным набором политических мифов.

Порядка двухсот лет в России полагалось считать, что русские – коренные европейцы, оторванные от остальной Европы нашествием монголо-татар. Что монголы исказили русский народный характер, русские «наглоотались татарщины всласть»¹ и что в самой России борются Европа и Азия.

Рывок «в Европу» сделал Петр Великий, положив начало новой европеизации России, и путь наш – к полной европеизации страны, которая неизбежно наступит... Правда, со-

¹ Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. М., 1963. С. 259.

вершенно непонятно когда. А не будь Петра – не было бы рывка, и что бы с нами было – неизвестно.

Великое княжество Московское до Петра... вообще вся «допетровская Русь» официально описывалась в самых черных красках как общество самое дикое и примитивное, какое только может быть на свете, рассадник совершеннейшего мракобесия.

«Явление» же Петра полагалось считать триумфальным шествием разума и просвещения, рассекающего царство полного мрака. Даже грязь и кровь его эпохи трактовались в романтическом свете как неизбежность, на которую падает ответ некоего мрачного величия. Примерно как писал В.Г. Белинский:

Россия тьмой была покрыта много лет.

Бог рек: да будет Петр – и был в России свет.

Начинали уже современники Петра. Феофан Прокопович утверждал, что Петр «всю Россию, каковая уже есть, сделал и создал», а уйдя от мира, «дух свой оставил нам». «На что в России ни взгляни, все его началом имеет», – полагал Нартов и договаривался до того, что называл Петра «земным богом».

Петр Крекшин, один из первых биографов и историков Петра, всерьез продолжал эту линию: «Отче наш, Петр Великий! Ты нас от небытия в бытие произвел».

И после Петра не смолкал славословящий хор, причем из людей очень часто умных, деятельных и по заслугам знаменитых.

В.Н. Татищев утверждал, что всем в своей жизни, а особенно «разумом», он обязан Петру.

Кантермир писал «Петриду», посвящал Петру свои поэмы и «вирши».

«Он Бог твой, Бог твой был, Россия!» – восклицал Ломоносов.

Очень характерно, что молодой Александр Пушкин до Болдинской осени охотно писал стихи о Петре и Петровской эпохе, разразился своей великолепной «Полтавой», но стоило ему всерьез заняться Петровской эпохой, и родился «ужастик» XIX века, «Медный всадник». Впрочем, и без «Медного всадника» поговаривали в Петербурге о том, что в высокую воду, в сильные осенние шторма или в зимнюю вьюгу памятник Петру срывается с пьедестала, скачет по городу, и якобы даже видели трупы раздавленных чудовищным всадником. Правда? Выдумка? Но, во всяком случае, легенда была, а кое-какие остатки ее живут в городе и до сих пор; Пушкин писал, основываясь на легенде.

Интеллигенция, ученые люди считали и по сей день считают Петра символом прогресса и движения вперед, к сияющим высям просвещения. А народная молва наделила памятник Петру всеми особенностями беса! Это мимоходом было сказано к вопросу о том, Бог ли сказал «да будет

Петр»... Уж очень это полемично.

Лев Толстой в молодости тоже очень почитал Петра, чуть ли не благоговел перед ним и собирался писать о нем роман... И тоже только до тех пор, пока не начал собирать материалы для романа. Тут-то Лев Толстой начал иначе отзываться о совсем недавнем кумире: «Был осатанелый зверь»... «Великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца, который кощунствовал над Евангелием... Забыть про это, а не памятники ставить».

Остается предположить, что и с Пушкиным, и с Толстым произошло одно и то же – с малолетства они находились в поле обожествления, обожания, превознесения, крайней романтизации Петра и всей Петровской эпохи. Воспринимали его восторженно не потому, что сами до этого додумались, и не потому, что располагали многими знаниями об эпохе. А как раз именно потому, похоже, что большими знаниями не располагали. Романтически-приподнятое, радостное отношение к Петру меняется по мере узнавания эпохи, по мере изучения документов.

Тут напрашивается вопрос: интересно, а что сказал бы Ломоносов, проживи он подольше и успеет начать составлять не только раннюю русскую историю, до 1054 года, а дойди он до эпохи Петра? Если бы Михайло Васильевич стал бы собирать документы петровского времени, систематически писать об этом времени? Может, было бы так же, как с Пушкиным?

Другое дело, что отношение к историческим деятелям 90 процентов людей строят не на основе самостоятельного изучения, а принимая какое-то устоявшееся мнение или внимая пропаганде. А тут сто лет, двести лет почти и не слышно было голосов, кроме восторженных.

И уж конечно, вполне объяснимо, что обожали Петра все экстремисты всех мастей, все радикалы и «революционные демократы». И все тот же Белинский:

«Для меня Петр – моя философия, моя религия, мое откровение во всем, что касается России. Это пример для великих и малых, которые хотят что-либо сделать, быть чем-то полезным».

Не меньше захлебывается Герцен: «Петр, Конвент научили нас шагать семимильными шагами, шагать из первого месяца беременности в девятый».

Здесь характерен не только сам по себе восторг, но и отождествление Императора с революционным французским Конвентом. Пример Петра оказывается не менее важен для «революционера-демократа», «разбуженного декабристами», чем пример французских революционеров, – как интересно! Уже этого примера достаточно, чтобы предположить – видимо, на примере Петра учились и другие любители прыгать «из первого месяца беременности в девятый».

По крайней мере, и Маркс, и Энгельс, и Троцкий, и Вовка Ульянов – все они были величайшими сторонниками Петра, его восторженными поклонниками.

Веками, десятилетиями о Петре Великом, Петре I, говорилось исключительно самыми торжественными словами: великий реформатор! Великий человек! Великий просветитель! Отец народа! Создатель Империи!

«Великий муж созрел уже в юноше и мощною рукою схватил кормило государства», – вещал Н.М. Карамзин².

«...Богатырь физически и духовно», «невиданный богатырь, которому грузно было от сил, как от тяжелого бремени... ему тесно было в старинном дворце кремлевском, негде расправить плеча богатырского...» – так пишет о нем С.М. Соловьев³.

И далее, в таком же эпическом стиле: «Молодой богатырь рвался из дома от матери – поразмять плеча богатырского, попробовать силы-удали молодецкой»; «...герой-преобразователь, основатель нового царства, а лучше сказать, новой империи...»

В этом хоре славословия звучат голоса величайших историков России – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, Н.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле, В.В. Мавродина. В этом же хоре – голоса А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, А.Н. Толстого и К.Н. Симонова, В.Н. Ге и В.В. Сурикова. Петра возвеличивают всеми возможными литературными и художественными средствами.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 31.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга VII. М., 1962. С. 183.

Трудно усомниться в истинах, которые несут и возвещают ТАКИЕ имена, ведущие деятели русской культуры прошлого и настоящего.

Даже либеральный петербургский историк Е.В. Анисимов называет Петра «великим реформатором», скрупулезно перечисляя, что он оставил после себя:

«Последний рекрутский набор состоялся в 1874 году, то есть спустя 170 лет после первого (1705). Сенат существовал с 1711 по декабрь 1917-го, то есть 206 лет; синодальное устройство Церкви оставалось неизменным с 1721-го по 1918-й, то есть в течение 197 лет, система подушной подати была отменена только в 1887 году, то есть 163 года после ее введения в 1724 году»⁴.

Правда, уже в XVIII веке прозвучал совсем другой голос – князя Щербатова, с его великолепной, ядовитой и умной книгой – «О повреждении нравов в России». Князь Щербатов вполне серьезно полагал, что нравы допетровской Руси были здоровее, «правильнее» возникших позже и что для нравственности народа лучше было бы вообще обойтись без реформ. Но, во-первых, мало кто прочитал эту книгу и в XVIII, и даже в XIX веке – опубликовали-то ее только в 1888 году. Князь Щербатов писал если и не лично для себя, то для какого-то сверхузкого кружка; для тех, кто может понять его аргументы и кого не опасно допускать до критики выбранно-

⁴ Анисимов Е.В. Петр Первый: рождение империи // История отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 186.

го Россией пути, то есть для аристократов – причем аристократов и по своему материальному положению, и по уровню образования, и по нравственным качествам.

Во-вторых, и князь Щербатов не сомневался в пользе Петровских реформ. Да, они ужасны по своим методам. Да, привели к чудовищным последствиям. Но это – совершенно необходимые реформы. С точки зрения князя Щербатова, не будь петровского «рывка», России потребовалось бы 275 лет, чтобы добиться того же уровня развития, которого она достигла за 50 лет, к 1775 году. Если бы не реформы Петра, Россия продолжала бы отставать и оказалась бы сожранной и разорванной на части европейскими державами.

Не будем оспаривать конкретных цифр, не в них дело. Гораздо важнее, что в основных чертах князь Щербатов определил критику Петра и петровского времени на десятилетия и на века вперед.

С точно таких же позиций написаны и «День Петра» Алексея Толстого, с его прямо-таки зловещим колоритом; ведь и там старообрядец Варлаам, выведенный злейшим врагом и «оппонентом» Петра, – это дикий фанатик, не способный предложить ничего, кроме возвращения назад.

Таковы же эскапады Бориса Пильняка: никакой альтернативы сделанного Петром не рисуется, просто изображается отвратительный, вечно пьяный сифилитик и урод⁵.

Беда даже не в том, что эти голоса критики раздавались

⁵ Пильняк Б. Его Величество Кнесь Piter Komandor. Пг., 1922.

недолго – от тех времен, когда реформы Александра II сделали политический климат Российской империи не таким душным, выбросили в печать множество документов, которые раньше практически никто не знал или знал в очень недостаточном объеме. А окончились любые критические высказывания к «году великого перелома», 1929-му, когда ЦК рядом постановлений объяснил всем и раз навсегда, что Иван IV Грозный, Петр I и некоторые другие персонажи русской истории – вне критики. Пильняка коммунисты убили довольно быстро, в 1937-м, а Алексей Толстой сделался придворным сталинским писателем и создал насквозь лживый, до отвращения холуйский роман «Петр I», в котором, конечно же, не повторял прежних «ошибочных оценок».

Почти все триста лет императорского периода критика Петра оставалась, во-первых, крайне осторожной и допускалась исключительно в кругу людей, в чьей лояльности Империя не могла сомневаться. В устах любых других людей такая критика тут же превращалась, в лучшем случае, в кощунство, а то и попросту в подрывную деятельность и в подкуп под могущество государства Российского.

Во-вторых, эта критика оставалась всегда чисто морализаторской. Никто не предлагал альтернатив, не пытался понять – а что происходило бы в России и во всей Восточной и Северной Европе, если бы Петр за пьянками и «Всешутейным Собором» позабыл бы свои знаменитые реформы или если бы вообще Петра придушили в раннем детстве и не воз-

никло бы в истории государства Российского никакого такого царствования Петра.

Для всех историков, писателей, поэтов, государственных деятелей «очевидно» – реформы Петра совершенно необходимы, и именно в том или почти в том виде, в котором они состоялись. Ну да, были какие-то «некрасивые случаи», какие-то «перегибы», случаи жестокости и грубости... и вообще страна заплатила за реформы непомерно высокую цену. Чем дальше от эпохи Петра, тем охотнее историки и деятели культуры морализируют на эти темы, но именно что только морализируют – разглагольствуют о цене реформ и о том, что вообще-то, будь Петр не так крут, не так свиреп, а сподручные его пообразованнее и поприличнее, то и ненужных, излишних жестокостей было бы поменьше.

За века сложилась схема понимания нашей истории петербургского императорского периода. Изложить эту схему нетрудно, и сделать это можно буквально в нескольких пунктах.

1. Петр завел в России то, чего до него совершенно не было: от картин на светские темы и зеркал в домах до современной армии и системы управления.

2. Петр изначально был сторонником реформ, их знаменем; он захватил власть в борьбе с лютыми врагами реформ.

3. Все жестокости, творимые Петром, все «перегибы» его эпохи объясняются ужасными впечатлениями детства, когда на его глазах стрельцы, враги реформ, убили его любимого

дядьку. Второе объяснение – он защищал не только самого себя, он защищал свое детище от невежественных и злобных людей. Казнил он их – так им и надо!

4. Петр был гением на троне; великим человеком, способным прозревать на века вперед. Все его сторонники, не говоря о врагах, не видели и не могли постигнуть всего величия сделанного гигантом духа.

5. Реформы Петра – величайшее благо для России; страшно подумать, что с нами всеми случилось бы, если бы не Петр Великий!

Все «мифы Петра» и «мифы Петровской эпохи» укладываются в эти простенькие пять пунктов.

Тут складывается ситуация, очень похожая на ту, с которой мы уже сталкивались в книге «Русская Атлантида»: когда некое мнение о русской истории буквально вколачивается в головы самыми разными способами и начинает наконец восприниматься безо всякой критики.

И в школах, и даже в университетах, и средствах массовой информации, и в художественной литературе царит одно мнение, одна идея, одна позиция.

Между прочим, критиками Петра и его времени эта идея тоже принимается, и с той же мерой некритичности. Потому что, говоря о жестокости Петра или о пагубных последствиях его горе-«реформ», они все же мало сомневаются. В самой необходимости ломать вековой уклад русской жизни, истреблять «противников реформ», грабить церкви, разо-

рять и доводить до полного отчаяния, до бегства из России миллионы людей – обо всех этих «необходимостях» мало кто задумывается всерьез. Не задается самый основной вопрос: а нужно ли было вообще делать то, что делал Петр? А если даже было и нужно, то в каких формах?

Вопрос этот не задается по понятной причине: потому что, только задав этот вопрос, мы тут же отходим от традиций петербургского периода русской истории, когда такие вопросы считались или кощунственными, или заведомо лишёнными смысла.

Если же взглянуть в жизнь «кондовой» допетровской Руси, мы тут же обнаружим удивительнейшие вещи! Мало того что мы обнаружим в Московской Руси XVII века пресловутые картины, зеркала, живописцев и театр, но очень быстро «окажется», что и реформы управления, и регулярную армию создавали уже лет за сорок даже не до воцарения – до рождения Петра.

И более того... Мы обнаружим, например, что огромное множество русских людей самого «простого» состояния, в первую очередь крестьян, живут вне общины, выбирают сами себе священников, ценят книжное учение (то самое просвещение?), квалификацию, частную инициативу и очень положительно относятся к умникам, которые собственным учением и трудом смогли сделать себя богатыми. Да, они носят косоворотки, лапти и шапки, а их дочери и жены – сарафаны поверх посконных рубах... Но чем они по существу,

не по форме, отличаются от остальных европейцев?! Ведь и норвежцы выглядят и ведут себя совсем не так, как итальянцы и французы, а поляки далеко не во всем понимают англичан, да и одеваются иначе.

Точно так же мы «вдруг» обнаруживаем на Руси торговый капитал, который, хоть убейте, принципиально ничем не отличается от голландского и шведского... Отличается отношение к нему государства – на Руси государство капитал не поддерживает, не защищает и никак ему не помогает, но ведь это уже совсем другое дело.

Да и с дворянами при близком рассмотрении «происходят» не менее удивительные вещи. Верные слуги государевы «вдруг оказываются» преданы очень европейским по духу идеям, очень современным для XVIII века. Они оказываются «вдруг» сторонниками парламентаризма, и притом задолго до того, как им «полагается» проникнуться этими идеями. По схеме, которую разделяют все сторонники «европеизации дворянства» – от князя Щербацкого до Ленина, – первым последовательным сторонником «прогрессивных идей» надо назвать Радищева, а декабристы стали первым поколением революционеров, потому что это «третье непоротое поколение дворян» и потому что во время походов 1813–1815 годов они побывали в Европе и заразились ее духом. А тут дворяне почти за сто лет до декабристов, в 1730 году, проявляют себя вполне европейским сословием; людьми, чья психология очень мало отличается от психологии немецкого или

скандинавского дворянства.

Декабристы были меньшинством, которое вовсе не одобряло большинство их сословия. В 1730 году не исчезающее меньшинство, а вовсе даже большинство русских дворян хотели ограничить власть царя и ввести в России конституцию. Если принять логику штампов петербургского периода русской истории, то в 1730 году русские дворяне, получается, были «прогрессивнее» и больше походили на европейцев, чем в 1825 году...

В 1730 году не отдельные дворяне, а дворянство голосами большинства своих представителей требует конституции. Но факт остается фактом – тогда, в морозном воздухе зимы 1730 года, впервые запахло появлением Российской конституции... Повеяло духом ограничения всегда абсолютной власти монарха. И ограничением всегда абсолютных прав тяглового государства. Молодежь 1730 года воспитана в обстановке службы Петру, а то и грязи и срама дворцовых переворотов. Старики хорошо помнят допетровскую Русь. Казалось бы – ну откуда им владеть столь «прогрессивными» идеями?! А они, оказывается, вот владеют.

И таких случаев очень много. Так много, что критически мыслящий человек не может не усомниться в самой схеме – даже в той, сомневаться в которой считается очень неприличным.

Вот и тема исторического расследования: а какой же была она, допетровская Русь? В какой степени тупой и кондовой?

И не менее важная тема: а что же именно сделал Петр, если не соответствует действительности все или почти все, приписываемое ему? И: какой могла бы стать Россия без Петра? В конце концов, один человек – это только один из великого множества, и подверженная множеству случайностей жизнь этого одного, как говорят на Востоке, «жизнь его подобна слезе на реснице». В конце концов, у его отца, Алексея Михайловича, родилось несколько сыновей в двух браках, а остался в живых только один. А если бы выжил – не Петр? А если бы не выжил ни один?

Что, если бы Петр не родился, умер бы «от живота» во младенчестве или был бы придушен разъяренными стрельцами в 1682 году? Что тогда случилось бы с Россией и с нами со всеми?

Задавшись этими вопросами, я и сел писать эту книгу.

Кандидат исторических наук, доктор философских наук, действительный член Академии ноосферы, член Санкт-Петербургского союза ученых, и прочая и прочая...

Часть I

Царевич второй свежести

– Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации.... случай, по-видимому, сложный... шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...

М.А. Булгаков

Глава 1

Переворот Медведихи

Первая жена – от Бога, вторая – от человека, третья – от дьявола.

Сомнительная народная мудрость, которая, однако, частенько подтверждается

Перед Петром

До января 1676 года на престоле Московии сидел законный монарх, второй царь из династии Романовых, Алексей Михайлович. Он скончался «в 1676 году, с 29 на 30 число января, с субботы на воскресенье, в 4 часа ночи... на 47 году от рождения, благословив на царство старшего сына Фе-

дора»⁶.

Люди помирают и в более раннем возрасте, но как будто ничто не предвещало его смерти. Царь был здоров, активен, бодр, ничем серьезно не болен. Придворных медиков его смерть удивила. По России поползла волна слухов об отравлении.

Брак царя с Марией Ильиничной Милославской продолжался с 1648 до 1669 года. От Милославской Алексей Михайлович имел пять сыновей и шесть дочерей: Евдокию, Марфу, Софью, Екатерину и Марию. Но мальчики как-то не жили в этой семье. Старшие сыновья Димитрий и Алексей умерли при жизни родителей. В марте 1669 года умерла Марья Ильинична, за нею последовал царевич Симеон.

К 22 января 1672 года, ко дню, в который Алексей Михайлович женился на Наталье Нарышкиной, дочери капитана из Смоленска, живы были двое его сыновей: Федор, 1661 года рождения, и Иван, 1666 года. Как бы ни было почетно для девицы из рода Нарышкиных выйти замуж за пожилого царя, но детям от этого брака царствовать заведомо не было суждено.

От второй жены Алексей Михайлович имел дочерей Наталью и Феодору, а будущий царь Петр Алексеевич родился в 1672 году, от пожилого, 43-летнего тогда, Алексея Михайловича, и Натальи Кирилловны Нарышкиной – ей исполнил-

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга V. М., 1961. С. 608.

сы уже двадцать один год (немало по понятиям XVII столетия).

26 января 1676 года царем Московского государства стал Федор Алексеевич Романов, старший сын прежнего царя, 15 лет. Не первый раз на престол всходил малолетний царь. 17-летним венчался на царство Михаил, 13-летним – Алексей. Но первый раз взошел на престол царь до такой степени интеллектуальный.

Желая видеть после себя Федора, царственный отец позаботился о его образовании, и его учителем стал один из ведущих русских ученых того времени – Симеон Полоцкий. Учитель царя Симеон Полоцкий и его ученик Сильвестр Медведев вели подготовку к открытию первого русского университета.

Федор свободно знал польский, латынь, древнегреческий языки, читал в подлиннике античных авторов. Он хорошо знал религиозную литературу, сочинения отцов церкви, увлекался музыкой, особенно певческим искусством, и сам сочинил несколько духовных песнопений. Даже на фоне своего отца и деда, людей очень не глупых и образованных, он производил впечатление ярко выраженного интеллектуала. Одно из его излюбленных занятий состояло в том, что он «собирал художников всякого мастерства и рукоделия», платил им приличное жалованье, наблюдал за их работой и вел с ними долгие беседы.

Федор Алексеевич позаботился о наследнике: 11 июля

1681 года у него с женой, Агафьей Семеновной Грушецкой, родился сын Илья. Но 14 июля умерла родами царица Агафья, а через 6 дней умер сам Илья.

14 февраля 1682 года, ровно через 7 месяцев после смерти Агафьи, царь Федор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной.

Детей от этого брака не было: 27 апреля 1682 года царь Федор умер на 21 – м году жизни. Считается, что был он болезненным и хилым, причины смерти считались естественными, несмотря на молодость царя.

И сложилась странная, неоднозначная ситуация. Провозгласить царицей старшую дочь Алексея Михайловича Софью, 1658 года рождения? Способности ее ни у кого не вызвали сомнения, но женщины на троне Московии никогда не сидели... То есть в других странах – были, в том числе и несколько базилиссы в Византийской империи. Но в России правящих цариц пока не было, и совершенно непонятно, какотреагируют на такое новшество пресловутые народные массы...

Монархия – не самый худший в мире политический строй. Но очень уж монархия уязвима. Всего-то две ранние смерти – отца и сына – в апреле 1682 года поставили Московию на грань междоусобия, гражданской войны и вообще страшно сказать чего – чуть ли не новой смуты. Клань Милославских и Нарышкиных сцепились в беспощадной войне, князь Хо-

ванский со стрелецким войском поднял восстание. «Хованщина» затопила Москву.

В подавлении «Хованщины» и наведении порядка главную роль сыграла Софья Алексеевна. Установившийся в 1682 году порядок оказался непрочным и странным, на престол возвели сразу двух царей: Ивана (от Милославской, 1666 года рождения) и Петра – от Нарышкиной, 1672 года рождения. Над обоими царями стояла «правительница Софья». Не царь и не царица, но «правительница» с неопределенным сроком пребывания в этой должности, с непрописанными границами власти.

Возлюбленный Софьи Алексеевны, Василий Васильевич Голицын, в 1682–1689 годах формально стоял во главе разных правительственных учреждений, но фактически был примерно тем, кем является в наши дни премьер-министр.

Софья и «первый царь» Иван жили в Московском Кремле. Петр и верхушка клана Нарышкиных – в Преображенском.

До 1682 года у Петра не было ни единого шанса стать царем. Теперь он появился, этот шанс. Тем более что его мать, Наталья Кирилловна, была крайне честолюбива, активна и средства достижения цели использовала совершенно любые. Кличку ей дали соответственную – Медведиха. Ходил упорный слух, что именно она отравила сначала Алексея Михайловича, а потом и Федора Алексеевича. Слух никогда не был доказан, но очень уж «вовремя» они оба умерли, расчищая

путь к трону для Петра.

Называя вещи своими именами, Петр I стал царем случайно, после ранних смертей нескольких своих родственников и вследствие этих смертей.

Конец многовластия

Рано или поздно половинчатая ситуация в стране должна была взорваться, и произошло это в августе 1689 года. Сторонники Софьи обвиняли Медведиху в том, что она подослала убийц к Софье: пойманы были трое негодяев с ножами, шатавшиеся по Кремлю. Под пыткой эти трое показали, что их подослала Наталья Кирилловна с заданием – убить Софью и Василия Голицына. Нарышкины, разумеется, отрицали свою причастность. Если даже причастность и была – доказать ее очень трудно.

Странная это история – вдруг посреди Кремля оказываются трое бродяг с ножами за голенищем... Во время стрельцкого бунта, «Хованщины» 1682 года, в Кремль кого только не носило, но теперь-то ведь никакого мятежа и бунта нет. Кремль – резиденция правительства, «первого царя» и «правительницы», на воротах стоят вооруженные стрельцы и кого попало не пропустят. Откуда же трое бродяг?! Может, постарались агенты Нарышкиных – то ли подкупленные люди, то ли их тайные сторонники? Очень возможно. Но не менее возможно и другое – что сами убийцы от начала до конца

подложные, и сторонники Софьи «нашли» их посреди Кремля ровно потому, что сами туда провели.

Сам факт, что были такие, шатались по Кремлю, доказывает мало что. Ну, может быть, и готовили эти людишки человекоубийство. Может, хотели прирезать и Софью – потом можно было очень дорого сбыть ее голову Нарышкиным... Но очень может быть, никакого отношения к этим людям Наталья Кирилловна и в самом деле не имела. Не доказано ведь совершенно ничего, никак не прослежены их связи, а сами пойманные вскоре исчезают.

Может быть, конечно, что исчезли они вовсе не для современников, а для нас с вами – просто одна часть документов известна, а другие пропали, не дошли до нас и нам неизвестны. В изучении истории такие вещи происходят на каждом шагу, что поделать.

Но если пойманные «гуляющие люди» и впрямь исчезли без следа – это очень и очень подозрительно. В этом случае, похоже, что сторонники Софьи пытались «слепить дело», а когда не получилось, не потянулась однозначная, для всех очевидная ниточка к Нарышкиным, поспешили спрятать концы в воду. Не обязательно все должно было кончиться для бродяг плачевно; совершенно не могу исключить вариант, что где-нибудь в Белгороде или Курске объявился вскоре странный человек с поясом, набитым золотыми. И, если не болтал лишнего, постепенно вышел и в купцы...

Они сами сознались? Тоже не доказательно, потому что

мало ли какие фантастические вещи показывают люди под пытками! Скажем, несчастные «ведьмы» у немецких инквизиторов давали такие показания, что только диву даешься: и на шабаш они летали, и с дьяволом совокуплялись, и недород, ураган, наводнения организовывали.

Одним словом, крайне темная история.

А через несколько дней происходит еще одна, не менее темная: прибегает в Преображенское некий человек с криком, что, мол, там, в кустах сидят вооруженные люди, хотят известить царя. По другим сведениям, прибежал не «человек незнаемый», а стрелец из караула – мол, остальные караульщики бьются со злоумышленниками, давайте подмогу, спасайте царя!

Эта история еще темнее первой, потому что этих-то злоумышленников вообще никто в глаза не видел. Сидели, мол, в кустах, ждали царя... Почему именно царя? Кто сказал, что вообще кого-то ждали? И были ли они вообще, эти загадочные люди, под вечер засевшие в кустах?

История с засланными от Софьи убийцами важна потому, что стала спусковым механизмом для важных исторических событий. Дело в том, что Петр, только что вернувшийся из Немецкой слободы, Кукуя, и завалившийся спать, смертельно перепугался этих загадочных убийц. В одной рубашке, с перекошенным лицом, кинулся Петр бежать, спастись куда глаза глядят. Издавая дикие вопли, судорожно дергая лицом и всем телом, еле взобрался он на лошадь, и бедное жи-

вотное рвануло под обезумевшим седоком. Петр прискакал в Троице-Сергиеву лавру, под защиту могучих стен, отдался на волю монахов – вот, святые отцы, спасайте, меня убивают! Судя по всему, он и правда был невероятно перепуган. Впрочем, и потом множество раз в ситуации малейшей опасности будет повторяться эта реакция – истерика, эпилептический припадок, сдавленные вопли, паническое бегство куда глаза глядят.

Уже утром в Троицу приезжает денщик Петра, Александр Меншиков, привозит «милому другу» портки и какую-никакую одежду: Петр ведь ускакал буквально в нательной рубашке, едва прикрывшись. Петр отказывается выйти из-под защиты колоссальных стен монастыря-крепости, и весь его двор из села Преображенское перемещается именно сюда. По всей стране звучит призыв ко всему дворянству, ко всем государственным чиновникам, к армии – собираться сюда, к Троице-Сергиевой лавре! Нарышкины призывают собирать дворянское ополчение, двигаться всей силой против изменщиков, пытавшихся убить «второго царя». Ситуация гражданской войны...

Разумеется, Софья от своего имени и от имени «первого царя» тоже созывает дворянское ополчение: всем идти в Москву, в Кремль – звучит ее грозный приказ!

Что не выдержали нервы у Петра – очевидно, кто спорит, но очень уж похоже – не у него одного, у обеих сторон попросту не выдержали нервы. Дело в том, что незадолго до то-

го Петра женили на Евдокии Лопухиной. По тогдашним русским обычаям женатый парень становился взрослым. Женившись, наследник престола получал право сесть на престол. «Первый царь» Иван слабоумен – значит, царствовать «второму царю».

Вот и не выдержали нервы и у Софьи, и у сторонников Петра.

В конце августа 1689 года страна оказывается в ситуации пока холодной, без пальбы, но совершенно реальной войны – гражданской и династической. Два правительства в стране: одно в Москве, другое в Троице-Сергиевой лавре, и каждое требует лояльности от каждого сколько-нибудь заметного в стране человека. Требуется явиться «конным, людным и оружным», изъяснить свою лояльность и высказаться в пользу именно этого правительства.

Страна выбирает Нарышкиных. Со всей огромной страны медленно, но неуклонно течет ручеек в Троице-Сергиеву лавру. Из Москвы, из лагеря Софьи, течет точно такой же ручеек, вплоть до последних, казалось бы, на сто рядов проверенных людей. Разумеется, множество людей выбирает Лавру не потому, что в чем-то убеждены, что-то считают или на кого-то полагаются. 90 % дворян, не говоря о рядовых солдатах и стрельцах, руководствуются не соображениями о судьбах России, а собственными эгоистическими стремлениями, страхами и расчетами. А очень часто – и прямыми приказами благодетелей, начальников или сюзеренов.

Но и выбор, несомненно, есть, – уже хотя бы выбор тех, кто полномочен приказать этим 90 % или убедить их в чем-то. Расчет на милости, если Нарышкины победят? Но ведь и Милославские не поскупятся для тех, кто посадит Софью на трон. Прямой подкуп? Но никаких невероятных богатств, никаких возможностей раздавать придворные чины у Нарышкиных нет, или, вернее, – их не больше, чем у политических конкурентов. Они не богаче Милославских и их сторонников, да и сам претендент на престол с их стороны все-таки более «неказистый» – «второй царь», а вовсе не первый и не правитель...

Почему же страна все-таки выбирает Нарышкиных?

Одна причина проста – это пол Софьи. Представим себе, что на ее месте была бы не дочь царя Алексея Михайловича, а сын. Скажем... ну тот же Василий. Пусть даже не наделенный всеми талантами и достоинствами Василия Голицына, но и не дурачок, не ничтожество, не трус... Скажем, нечто среднестатистическое, эдакий человек средних талантов и способностей (как основатель династии Михаил например). Или тем более человек с теми же незаурядными способностями, что сама Софья, но только мужчина?

Странно, что эта мысль до сих пор не приходила в голову нашим историкам, она ведь вообще-то элементарна. Но все, кого я спрашивал, как, по их мнению, – а что, если бы на стороне Милославских сидела бы на престоле не Софья Алексеевна, а сын... назовем его хотя бы Василий Алексе-

евич, и пусть тех же лет (в 1689 году Софье был 31 год)? Иван Алексеевич, болезненный и неумный, «головой скорбный», – это, конечно, не зная. Ну а если бы зная все-таки у Милославских имелось бы? И все, с кем я обсуждал такую возможность, единодушны – в этом случае у Петра не было бы ни одного шанса. Ни единого!

Вот и получается, что страна готова была признать женщину «правительницей», по мере привыкания к ситуации – и правящей царицей. Но именно что не выбрать, а признать, раз уж сложилась такая ситуация. Россия готова была смириться с положением вещей – раз уж нет лучшего претендента; согласиться с тем, что женщина сидит на престоле, по старому доброму принципу «на безрыбье и рак рыба». А вот выбрать женщину в цари, взять на себя ответственность за то, что она будет сидеть на престоле, отдать ей власть – к этому Россия еще совершенно не была готова.

Но это – только одна и, очень может быть, далеко не основная причина. Допускаю, что это прозвучит невероятно, даже дико – но похоже, власть досталась Петру именно потому, что и он лично, и Нарышкины олицетворяли собой самый кондовый политический застой.

Все знают, что Софья и Голицын – это реформы, это движение. А Петр – это стоящая за ним Медведиха с ее кланом людей не идейных, умственно не крупных, совсем не рвущихся что-то делать. В самом Петре ничто абсолютно не позволяло разглядеть будущего преобразователя.

Да, к этому времени у Петра уже было две или три тысячи «потешных войск». Но ведь полки «иноземного строя», офицеры-иностранцы, команды на голландском и немецком, вполне «иностранный» вид армейских соединений к тому времени вовсе не были в России чем-то необычным, чем-то вызывающим удивление и интерес. В Преображенском и Семеновском полках вовсе не было чего-то, выгодно оттенявшего их, заставляющего выделить из всех остальных «полков иноземного строя», а ведь вся русская армия с 1680 года состояла из регулярных полков с европейской выучкой.

Какие-то европейские вещи, которые любил Петр? Учение у европейцев?

Во-первых, ну кто в России знал, чему и у кого учиться Петр? И кого это интересовало?

Во-вторых, не было у Петра никакого такого «европейского учения». То есть и глобус ему показывали, и всяческие приборы, и карты. Но показывали не больше, чем должны были показать любому русскому принцу, да к тому же не из числа «основных наследников». Федора, «первого наследника престола», учили несравненно серьезнее и куда более «по-европейски».

Трубка во рту? Пьянки в Кукуй-слободе? Дружба с Францем Лефортом и другими иноземцами? Но это ведь уж никак не говорит о программе преобразований, а свидетельствует разве что о готовности перенимать худшие стороны жизни европейцев. В самом же приятном случае говорит все это о

мятущейся юности, стремящейся все на свете попробовать, во всякой гадости хоть немного да поучаствовать, хотя бы из любопытства. В худшем случае буйства Петра свидетельствуют о его развращенной и грубой натуре. Но уж никак все эти поступки не свидетельствуют о желании что-то в стране менять по существу.

К тому же 17-летний Петр никогда не высказывал своей приверженности к преобразованиям, не говорил о желании разрушить старину. Позже ему будут приписывать ненависть к боярству, к «византийщине», к старомосковской старине... Но все это чистой воды выдумки, потому что сам Петр никогда ничего подобного не говорил. По существу дела, он вообще ни о чем серьезном никогда не говорил, ничем определенным не интересовался, никаких проектов не строил. Василий Голицын мог кого-то пугать (или привлекать) своими масштабными программами, но вот у Петра-то их как раз нет и в помине.

В определенной степени для захвата власти это даже и хорошо... С одной стороны, не привлекает Петр активных людей, преобразователей, дельцов, а с другой – как раз не отпугнет людей пассивных, не склонных куда-то мчаться (а их-то всегда большинство). И судя по выбору, который делает Россия, большинство ее правящего слоя как раз важнее «не отпугивать» перспективой реформ.

Приходится сделать вывод, что сторонников европеизации в России 1689 года немного. Причем «спокойный» ва-

риант изменений, без «вскидывания на дыбы», возможен в основном тогда, когда у государственного кормила стоят люди, пришедшие к власти законным путем, но и без прямых выборов: например, те же законные наследники престола. И считаться с ними приходится, и в то же время как бы стоят они у власти помимо воли каждого отдельного человека... Если потребуют они, эти законные монархи, участия в реформах, изменения образа жизни – что ж, придется подчиниться! Но не выбирать же самому, по доброй воле то, что делать в любом случае будешь из-под палки, морщась и проклиная все на свете...

Как только Россия смогла выбрать – она выбрала лагерь, меньше связанный с преобразованиями страны.

В Лавре, когда в нее уже начали съезжаться бояре и дворяне, мать и патриарх специально уговаривали Петра вести себя так, как от него ждут: ходить тихими шагами, говорить скромно и кротко, побольше проводить времени в церкви, обо всем спрашивать мнения старших...

А с третьей стороны... Кто сказал, что, приезжая в Троице-Сергиеву лавру, россияне выбирали Петра?! Петра и видно не было, и слышно. Ну бегал такой по Преображенскому и Семеновскому, играл в войнушку, безобразничал в Кукуе... ну и что? Кто знал Петра? Кто с ним говорил, кто считал его серьезным фактором политики?

А никто. Знали не его, а мать, Наталью Кирилловну, Медведиху. Знали ее брата, Льва Кирилловича, их дальнего род-

ственника Никиту Стрешнева. Знали патриарха, знали Федора Юрьевича Ромодановского, который хорошо относился к Петру. Вот эти люди были в политике важны, и именно они шли к власти. Они и вели переговоры, обещали места, расставляли альянсы, уговаривали и запугивали.

Эта коалиция, клан Нарышкиных, и получила власть в конечном счете.

До самой своей смерти 25 января 1694 года Наталья Кирилловна Нарышкина не то что не передала Петру всей полноты власти... Она и близко не подпускала его к принятию сколько-нибудь важных решений. Более того – есть серьезные основания полагать, что именно она развивала в Петре самые дурные наклонности – к пьянству, к разврату, к безумствам разного рода, – лишь бы он занимался потешными, войной, любовницами, приятелями, собутыльниками, флотом, женой... чем угодно. Впрочем, с женой она его тоже умело и целенаправленно ссорила, и тоже с понятной целью – чтобы сын не имел тыла в собственной семье, не мог бы начать с ней серьезную войну... Впрочем, куда уж ему!

Так что к власти шел никак не лично Петр, а позиция Натальи Кирилловны была хорошо известна в России – никаких перемен! Позиция странноватая для воспитанницы видного «западника» Матвеева, для дочери капитана в «полку иноземного строя», но что тут поделать?! Да, вот такая позиция. При ней... скажем так, в первые годы правления Петра, до смерти матери, никакие перемены в управлении страной

и не происходили. Уж конечно, не были никак реализованы планы преобразований Василия Голицына. Даже то немногое, что успели сделать Федор и Софья, уничтожилось.

Федор и Софья с Голицыным придавали огромное значение справедливости правосудия, прекращению мздоимства и взяточничества чиновников. Они старались платить должностным лицам побольше, чтобы они были нечувствительны к предложениям хотя бы мелких взяток и обрели бы чувство собственного достоинства.

Теперь же установилось, по словам князя Бориса Куракина, «правление весьма непорядочное», «мздоимство великое и кража государственная», «судейские неправды» и прочие безобразия.

Все зависело от клана Нарышкиных, где заправляли несколько человек. Первой, разумеется, была Наталья Кирилловна, по словам все того же Куракина, «править была некапабель (от французского «ne capable» – «неспособна»), ума малого». Самый умный из ее «конфидентов», князь Борис Голицын, был человек неглупый и хорошо образованный, но «пил непрестанно» и, руководя Казанским Дворцом, совершенно разорил Поволжье.

Лев Кириллович Нарышкин, родной брат царицы, человеком оказался беззлобным, не подлым и даже не сводил счёты с Милославскими за прежние унижения. Человек «взбалмошный, недалекий и пьяный», он делал много добра самым случайным людям, «без ризону, по бизарии своего гу-

мору». Никакими государственными делами он себя не прославил, никому не был особенно нужен, и кличку ему дали Кот Кириллович. Свойственник обоих царей по бабушке, Тихон Стрешнев тоже оценивается Куракиным как «человек недалекий», но лукавый и злой и «великий нежелатель добра кому угодно».

Клан Лопухиных так и не выдвинул ярких лидеров или представителей, так и остался в истории слепым пятном с надписью: «Лопухины». Было их человек до тридцати, «людей злых, скупых ябедников, умов самых низких».

Так что Нарышкины, «господа самого низкого и убогого шляхетства», самая жалкая клика... или, чтоб было приличнее, — эта компашка и пришла к власти. Она оттеснила даже Боярскую думу от принятия любых решений, и первые аристократы Московии «остались без всякого провозира и в консилиии или в палате токмо были спектакулями».

Служилое и приказное общество было вполне под статью пришедшей к власти клике. Эту публику и «чистить» не пришлось, достаточно было снять внешнее давление, страх опалы, разжалования, наказания.

Судить об этом обществе можно хотя бы по запискам окольничьего Желябужского, наблюдателя и даже участника многих дел в те годы. В этих записках длинной вереницей проходят самые разные лица, от бояр и окольничьих до обычных приказных дьяков, судимых за самые разнообразные... скорее, пожалуй, за довольно однообразные преступ-

ления: женоубийство, оскорбление девичьей чести, подделку документов, «неистовые слова» про Государя, «непристойную брань» во дворце, за кражу золотых монет с помощью Тихона Стрешнева.

Самое яркое преступление совершил, пожалуй, князь Лобанов-Ростовский, который на Троицкой дороге разбоем отбил царскую казну. Зачем ему, владельцу нескольких сотен крестьянских дворов, было это нужно, история умалчивает. За разбойное нападение князя били кнутом, и тем не менее через шесть лет, в Кожуховском походе, он уже упомянут как капитан Преображенского полка.

По справедливому замечанию В.О. Ключевского, «в этом придворном обществе напрасно искать деления на партию старую и новую, консервативную и прогрессивную: боролись дикие инстинкты и нравы, а не идеи и направления»⁷.

Возникает естественный вопрос: почему же все, что делали Федор, потом Софья и Голицын, так обрушилось?! Тем более – так легко и так мгновенно обрушилось?!

Что поделать! Московия оставалась очень молодым, примитивным государством, где все очень непрочное, неустойчиво уже из-за отсутствия устоявшихся традиций государственной жизни. Где все легко разрушить, потому что вся государственность держится на преданности буквально нескольким людям и на трудовых усилиях буквально

⁷ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000. С. 476.

нескольких человек.

Невероятно узок круг всех, кто может в Московии вообще принимать хоть какие-то решения. Несколько десятков, от силы сотен человек определяют жизнь десятков тысяч. Все лично знают всех, все отношения патриархальны и просты. Под этой пирамидой и вне ее миллионы людей живут практически вне государства. То есть они помогают ему, участвуют в его делах, но не регулярно, и для них, может быть, важнее жизнь их семьи и общины, чем Московского государства.

Если устраняются «верхние» несколько человек, возглавлявших властную пирамиду, вполне могут пойти насмарку их усилия что-то перестроить, изменить или улучшить. Потому что остальные служилые десятки тысяч честно исполнят приказ – но сами они вовсе не несут в себе тех идей, которые вынашивают верхушечные несколько сотен.

Царь и его приближенные заставляют не брать взяток, не тянуть с делами и вообще вести себя прилично? Приказные и будут вяло, но старательно выполнять монаршую волю. Тем более что и честным приказным быть все же лучше, чем вылететь со службы, а то и угодить под следствие.

Нет усилий царя и приближенных? И их самих тоже нет? Тут же сто дьяков и тысяча подьячих начинают воровать вдвойне и втройне, вознаграждая самих себя за «воздержание» времен Софьи и Голицына. А это, в свою очередь, отражается на жизни уже десятков тысяч людей – почитай, всего

служилого сословия.

Знала ли Россия обо всем этом, когда ехала не в Москву, к Софье, а в Троице-Сергиеву лавру, к Нарышкиным? Ну, конечно же, знала, а если и не могла выразить словами, то чувствовала, понимала не словесно, а на уровне эмоций. Да и как можно было всего этого не знать?!

Ну, вот он и сделанный выбор...

А как же заговор?!

Да!!! А как же загадочные «мужики в кустах», от которых ускакал перепуганный Петр? А их так и не нашли, этих мужиков, и совершенно непонятно, были они вообще или нет. Те трое бродяг, пойманные посреди Кремля, – те точно были, их видели многие люди. А вот затаившихся убийц юного Петра, посланных врагами, чтобы лишить Россию ее трепетной надежды, – этих уже не видел абсолютно никто, кроме принесшего весть – мол, затаились и ждут... И возникает уже совершенно нешуточный вопрос – а были ли они вообще, эти невидимые никому посланцы Софьи? Тут возможно несколько предположений.

1. Покушение было, но по каким-то причинам не удалось, и преступники, обнаруженные караулом, убежали.

Вряд ли Софья была столь благородна, что уж и не допускала мысли о подосланных к братцу убийцах. Но почему тогда они не воспользовались его отлучкой в Кукуй? Ведь

Петр как раз вернулся из Кукуя очень незадолго до того, как к нему вбежали, рассказали о поджидающих убийцах. Ездил он чаще всего один или с очень небольшим числом людей. Если уж устраивать покушение – трудно найти лучшие время и случай. А знали о поездках в Кукуй многие, и вычислить маршрут не было никакой сложности.

Можно, конечно, пуститься в художественную литературу, рассказать историю позанятнее – как прогрессивные стрельцы получили реакционное задание убить Петра, но оказались не в силах лишить Россию ее опоры и надежды. Они специально показали себя караулу – чтобы и задание провалить как бы нечаянно, и всеми любимого прогрессивного монарха уберечь.

Но если не ударяться в такого рода «психологические» бредни – в общем, реально маловероятный вариант.

2. Караул столкнулся с какими-то бродягами или разбойниками, но эти бродяги или разбойники не имели никакого отношения к Софье и никакого задания убить Петра отродясь не получали.

Такой вариант уже более вероятен; по крайней мере, его можно рассматривать всерьез. Очень возможно, что так оно и было.

3. Наталья Кирилловна сама организовала крики об убийцах, о столкновении патруля с вооруженными и затаившимися. Зачем? Тут имеют право на жизнь как минимум две версии.

Одна – чтобы попугать сына, заставить больше думать о своей безопасности, ездить в Кукуй с вооруженной компанией, а не вдвоем с Меншиковым или даже вообще одному. Если так – последствия ее воспитательного хода оказались много сильнее ожидаемых.

Вторая версия – что Медведиха как раз очень хорошо просчитала все возможные последствия своего хода и получила как раз то, чего хотела. Действительно, ведь ситуация созрела! Петр женат, передать ему власть уже можно, и пора расчищать дорогу к трону. Как расчищать? Лучше всего – провокацией! Потому что попросту собрать свою армию и напасть на войска Софьи – это очень уж сомнительный поступок. Он и нравственно ущербный, а ведь правителю нужна хотя бы тень права, чтобы он мог спокойно наслаждаться властью.

Он и политически ущербный, сомнительный. Такой поступок очень легко может обернуться как раз тем, что дворянское ополчение примет сторону обиженной Софьи. Тогда воинское сословие России нанесет удар не по Софье, а как раз по Петру и Наталье Кирилловне.

Организовать дело так, чтобы кончить все одним мгновенным ударом? А если не получится одним? А как быть потом, когда Петр воссядет на еще теплый после Софьи трон? Нет-нет, правителю нужно основание стать правителем, нужна хотя бы тень права, почиющая на его державе...

В общем, самое лучшее – это не планировать военную

операцию, да и не женское это занятие. Лучше планировать как раз хитрую интригу, чтобы это Софья напала бы первая или, на худой конец, «напала» бы... В этой игре нервов, в постоянном ожидании каждым участником событий какой-нибудь гадости очень легко могли поверить буквально в любую, самую примитивную подначку, а не то что в убийц, притаившихся за околицей. Убийц-то как раз ждали чуть не каждый день...

И уж конечно, не было ничего проще напугать до полусмерти не вполне вменяемого, невротизированного до предела Петра – как раз в нужный момент и как раз в нужную меру.

Новая система власти

Отправив в ссылку Софью и Василия Голицына, Нарышкины и не подумали даже пальцем тронуть «первого царя» Ивана. Во-первых, если Софья и злоумышляла против Петра, хотела пролить родную кровь, то уж никак не хотел этого Иван. Если бы и возвели на него напраслину – никто все равно не поверил, потому что был Иван человек, может быть, и слабоумный, но, во всяком случае, добрый и спокойный. И много раз уговаривал мириться обоим – и Петра, и Софью (как будто в них самих было дело!).

Да и не был он никому помехой, добрый и глупый царь, тихо сидевший себе на троне да сидевший и кротко подпи-

сывавший все, что ему только ни подсовывали. Помер Иван очень рано, чуть не дотянув до тридцати, осенью 1696 года. До самой его смерти оба царя на официальных церемониях сидели рядом, на специально сделанном «двойном» троне. К Ивану иностранные дипломаты даже обращались к первому как к старшему, «более главному» царю. Петр жаловался, что у «братца Ваньки» «из носу воняет» и что он «дурак несусветный», но нарушить церемонию не мог. Он кротко высиживал, если не получалось сбежать.

А главное, братец вовсе и не мешал ему править. Мешала собственная мама, а как она померла – и не стало никаких препон для юной, деятельной натуры. Иван даже не очень понимал, что делает брат, а уж воспрепятствовать поступкам Петра ему бы и в голову не пришло.

Так с осени 1696 года Петр I Алексеевич оказался единственным царем Московии. Не потому, что он готовился к династической войне и сумел ее выиграть – а потому, что был знаменем победившего клана. Он был сыном матриарха этого клана, и очень может быть – отравительницы его брата. Не потому, что готовился к царствованию, и, уж конечно, не потому, что намеревался провести какие-то реформы.

Шанс стать царем у Петра I появился после смерти его отца и старшего брата. Шанс реализовался вследствие хитрой интриги матери. Он сделался царем как знамя неизменности и консерватизма. Прямым следствием его прихода к власти стало правление серого и вороватого клана Нарыш-

киных, развал сделанного его предшественниками.

Называя вещи своими именами, Петр I, младший сын Алексея Михайловича Романова, случайно сделался русским царем, и в этом смысле – случайной судьбой Московии и всей России.

Зададимся вопросом – кто же оказался этим царем?

Человек с какой подготовкой и с какими личными качествами? Ведь теперь от личных качеств его, неограниченно-го монарха, зависело невероятно многое.

Глава 2

Воспитание

Существовали важнейшие причины, по которым Петр и после смерти матери в 1694 году долгое время почти не занимался управлением государством. Одна из них – полное отсутствие систематического образования.

Федора, наследника престола, и Софью учил Симеон Полоцкий – монах из Западной Руси, окончивший Киево-Могилянскую академию. Образованнейший человек, писавший стихи на русском, польском, латинском языках, ставивший собственноручно написанные пьесы назидательного содержания и выпускавший сборники проповедей, он очень даже имел, чему научить царевича и царевну. Только вот Петром он отродясь не занимался – считалось, что нечего тратить время и силы на образование младшего царевича, который все равно никогда сидеть на престоле не будет.

Подход это и не гуманный, и не особенно разумный. В наш более справедливый и просвещенный век у него найдется немного сторонников. Но тогда очень часто наследнику давали гораздо лучшее образование, чем остальным царским детям. Для Петра же сочли вполне достаточным дьячка – Никиту Зотова. Сохранилось замечательное описание того, как Зотова сделали учителем Петра. Знаем мы об этом из записок некого Крекшина, который из любви и благоговения

к Петру лет тридцать собирал любые известия, сообщения, документы, бумаги – лишь бы они имели к Петру хоть какое-то отношение.

По старомосковскому обычаю Петра начали учить с пяти лет. Его старший брат и крестный отец, Федор, не раз говорил куме-мачехе, царице Наталье (которая была старше его самого всего на 10 лет): «Пора, государыня, учить крестника». Царица просила Федора найти учителя «кроткого, смиренного, Святое Писание сведущего».

Приближенный царя Федора Алексеевича, Федор Соковнин, и указал царю на подходящего «мужа кроткого и смиренного, и грамоте и писания искусного» – на Никиту Моисеева сына Зотова, подьячего приказа Большого Прихода.

Царь пожаловал его к руке и проэкзаменовал в присутствии Симеона Полоцкого. Симеон одобрил чтение и письмо Зотова, и тогда Соковнин повел Зотова к вдове царя Алексея, Наталье. Наталья Кирилловна приняла его, держа Петра за руку, и сказала:

– Знаю, что ты доброй жизни и в Божественном Писании искусен; вручаю тебе моего единственного сына.

Зотов же залился слезами от волнения, упал на колени со словами:

– Недостоин я, матушка, принять такое сокровище! Царица пожаловала его к руке и велела назавтра начать обучение.

Идиллическая картинка, ничего тут не скажешь! Такая идиллическая, что даже как-то неловко, рассказав ее, тут же

расследовать, кто же кого приучил к запойному пьянству: Никита Зотов Петра или наоборот?! Из чего, помимо всего прочего, следует подтверждение высказанной Иваном Тургеневым мудрости: «Друг Аркадий, не говори красиво»⁸. Как правило, рассказывание красивых идиллий призвано только скрыть какие-то неприглядные факты. А Никита Зотов то ли изначально был горьким пьяницей, то ли его сделал таким Петр, что тут поделаться?!

Может, конечно, возникнуть естественнейший вопрос: как мог спойть Никиту Зотова шести-, от силы десятилетний малыш?! А очень просто. Сам, своими собственными ручками семилетнего ребенка он, конечно же, не смог бы сладить с тщедушным, но вполне взрослым Зотовым, вошедшим в какую-никакую, а мужскую взрослую силушку... Но «зато» у Петра были потешные войска, и он пользовался ими вполне квалифицированно, как и подобает военачальнику.

Петр желал бегать и играть, он буквально минуты не мог сидеть на месте спокойно. Книжное учение требовало (и в наши дни тоже требует) внимания, усидчивости, времени. Зотов требовал, чтобы Петр сидел за столом и учил буквы, читал и считал. И тогда Петр приказывал потешным солдатам поймать Зотова, привязать его к стволу толстого дерева. Не прикрутить, как это делается в фильмах про индейцев! Зотов был одним из очень немногих людей, к которым Петр был все же гуманен, и с ним поступали приятнее. Никиту

⁸ Тургенев ИМ. Отцы и дети. М., 2002. С. 39.

Зотова крепко обвязывали веревкой вокруг пояса – так, чтобы он не мог отвязаться и убежать, а другой конец веревки крепили к стволу дерева (так привязывают к колышку козу).

А чтобы первому учителю было не скучно, в пределах его досягаемости оставляли приличную баклажку с сивухой. Делать Никите Зотову больше ничего не оставалось, потому что Петр убегал с потешными на весь день, заниматься более увлекательными делами. Привязанный Зотов уже от нечего делать все прикладывался и прикладывался к баклажке, пока не приходил в замечательное состояние духа, а потом не засыпал. Добрый Петя Романов, будущий царь Петр I, даже оставлял Зотову ветоши, чтобы было на чем прилечь, чтобы не на голую землю!

Вот так, по одной из версий, и спился бедный Никита Зотов.

Другая же версия состоит в том, что Никита и до того попивал, хотя пока что и умеренно. Заметив, что Петр очень уж «резов», Никита начал давать ему «глотнуть» своего любимого напитка. Петра водка оглушала, он сидел более смирно, и Никита заканчивал урок... Вот так Петр и начал спиваться.

Я не буду настаивать на верности ни одной из этих версий, но замечу – они могут быть обе справедливы, в одно и то же время. К невероятно раннему приобщению Петра к алкоголю, к его жгучему интересу к сивухе мы еще вернемся, пока же отмечу – ну, конечно же, не особенно многому можно было научиться у Никиты Моисеевича Зотова.

Петр прошел с Зотовым азбуку, часослов, Псалтырь, даже Евангелие и Апостол. Уже подростком и взрослым он мог читать и петь на клиросе не хуже дьячка, знал наизусть большие куски Евангелия и Апостола. Невеликое учение? Ну что ж... От Никиты Зотова больше «перенять» было и невозможно.

Вот книжки с картинками Петр любил! Специально для него Зотов просил царицу выдавать «книжки с кунштами» и исторические сочинения из дворцовой библиотеки. Наталья Кирилловна разрешила брать книжки и дала задание живописных дел мастерам из Оружейной палаты делать интересные Петра иллюстрации. Составились постепенно целые «потешные тетради», где красками и золотом изображены были солдаты, города, войны, оружие, сражения, тексты сказок и целые иллюстрированные повести.

Но картинки картинками, а писал Петр с жуткими ошибками. Даже учение у голландца Тиммермана – уже подростком, в 1687 году, мало что исправило. Тиммерман показывал ему всевозможные диковины, типа астролябии или компаса, и это Петра очень развлекало. Но по-прежнему он затруднялся сделать абсолютно все, что требовало хоть малейшего усилия, и при любопытстве ко всему занимательному делал кошмарные ошибки.

Часто говорят об интересе Петра ко всему новому, о жажде познания и так далее. Но в том-то и дело, что Петр стремился не столько заниматься этим «новым», сколько развлека-

катся. Любой сколько-нибудь опытный педагог прекрасно знает разницу и буквально чувствует ее.

Так же обстояло дело и со знанием языков. Петр мог довольно свободно объясняться, читать и писать по-немецки и по-голландски, понимал французскую речь, но и на иностранных языках был чудовищно неграмотен. Активно общаясь с немцами или с иностранцами, которые жили в среде немцев и хорошо знали немецкий язык (например, шотландские офицеры), Петр попросту дико мешал русский язык с немецким и голландским – лишь бы его понимали и он хотя бы примерно понимал собеседников.

В письмах к Меншикову Петр часто писал русскими буквами такие немецкие фразы, как «Мейне либсте камарат» или «мейн бест фринт» (смешав, кстати, в одной фразе немецкий с голландским), а архангельского воеводу Ф.М. Апраксина именовал *Min Her Geuverneur Archangel*, ухитрившись опять перемешать немецкий с французским.

А Франц Лефорт в 1696 году писал Петру «по-русски», но латинскими буквами: «*Slavou Bogh sto ti prechol sdorova ou gorrod voronets. Daj Boc ifso dobro sauersit i che Moscva sdorovou buit*». Скорее всего, Петр понимал!

В сущности же, Петр не был толком грамотен ни на каком языке – ни на русском, ни на немецком.

Принято отмечать огромные познания Петра в самых разных областях... Но в чем состояли эти познания? Это или практические навыки, например умение работать на различ-

ных станках. Петр гордился своим умением выточить любую деталь, которая нужна в корабельном деле, при постройке морского корабля. Известна история, когда он привел голландский корабль в Санкт-Петербург, выполнив работу лоцмана.

Или же это обрывки знаний, без системы, без философской или общенаучной подготовки. Так, свалка разных «любопытных» сведений – кусок отсюда, кусок оттуда... По такому же, с позволения сказать, принципу, кстати, создана и знаменитая Кунсткамера – это ведь вовсе не музей Естественной истории, не универсальный музей «всего на свете» (как Британский). Это собрание диковинок – всего, что удивляет, шокирует, вызывает отвращение или привлекает своим болезненным отклонением от нормы. По материалам, например, Зоологического музея или Музея антропологии и этнографии можно составить представление о целых разделах науки... но не по материалам Кунсткамеры.

Петр I не проявил никакого устойчивого отношения к наукам и искусствам; все его «ученые познания» бессистемны и совершенно не показывают серьезных знаний ни в одной области культуры или науки.

Странная фобия Петра

Петру вообще очень свойственны разного рода «фобии», порой исключительно причудливые. В их числе и лютая

ненависть к старинным родам. Откуда?! Как может царь, первый дворянин в государстве, буквально исходить ненавистью к аристократии?! Стремясь любой ценой оправдать и обелить Петра, это объясняют порой «тяжелыми впечатлениями детства». Мол, Петра в малолетстве жестоко обижали бояре, и этот рубец остался у него на всю жизнь.

Гораздо труднее указать на конкретные обстоятельства этих обид: кто унизил бедного Петрушу, когда и по какому поводу? Потому что никаких конкретных свидетельств такого рода история не сохранила. Даже потеряв отца очень рано, в три с половиной года, Петр вовсе не рос сиротой. О его матери можно (и нужно) сказать много дурного: и безответственная она, и неумная, и жестокая, и государственными делами заниматься неспособная, и в средствах никогда не стеснялась. Но сына и дочерей Наталья Кирилловна любила, заботилась о них и в обиду никогда бы не дала.

С трех же лет Петр жил в отдалении от двора, в селе Преображенском, куда ездили только бояре, близкие к Нарышкиным или входившие в их клан. События «Хованщины» 1682 года могли образовать психологический рубец и у людей покрепче 10-летнего мальчика. Тогда на его глазах убили любимого дядьку Матвеева.

Но и тут, во-первых, лично Петра никто не обижал, а во-вторых, обидчиками-то были стрельцы, а обижаемыми – знатные дворяне, Михаил Долгорукий или Артамон Матвеев. На залитой кровью Красной площади 15 мая 1682 года

естественнее было бы стать ненавистником черного народа
и защитником старинной знати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.